

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Томилова Л.Н.*¹, Корниенко А.В.²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² Государственная жилищная инспекция Краснодарского края
(Красная ул., д. 178, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Томилова Л.Н., Корниенко А.В. Цифровая трансформация антиконкурентных действий. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):53–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Томилова Людмила Николаевна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: vicktoria1105@bk.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023

Статья принята к печати: 15.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Основопологающей целью настоящего исследования является изучение и выявление новых видов антиконкурентных действий на цифровых платформах, выделение предельно нового субъектного состава хозяйствующих субъектов цифровых платформ.

Для достижения указанной цели в качестве задач видится необходимым рассмотреть отечественное и зарубежное законодательство о защите конкуренции; положения доктрины; проанализировать судебную практику по выявлению антиконкурентных действий на цифровых платформах в Российской Федерации и ряде зарубежных стран: Германии, Китая, Японии; определить понятие, значение субъектов цифровой платформы, состав и виды их действий, методы воздействия субъектов цифровой платформы на конкуренцию.

Для решения поставленных задач в статье использован ряд методов исследования: логический (описание, доказывание, классификация), системно-структурный анализ, сравнительный, статистический, который помогает отделить необходимое от случайного и выявить закономерность процессов, социологический метод – основан на мнениях и оценках экспертов, формально-юридический.

В результате исследования было выявлено, что в Российской Федерации законодательство о защите конкуренции применительно к цифровой деятельности начало движение вперед, чем ознаменовано принятие Пятого антимонопольного пакета ФАС России. Данный нормативный акт закрепил запрет «сетевого эффекта» агрегаторов цифровых платформ, критерий доминирующего положения хозяйствующего субъекта на цифровом пространстве, а также новое условие для сделки экономической концентрации.

Вывод. Указанные меры антимонопольного органа свидетельствуют о гибкости законодательства Российской Федерации под длительно сложившийся процесс цифровизации конкурентных правоотношений. Нововведения позволяют регулировать сложнейшую сферу взаимоотношений – цифровой рынок, который ознаменован двухуровневыми конкурентными правоотношениями: первый уровень отношений, складывающийся между хозяйствующими субъектами, цифровыми субъектами, второй – между составами хозяйствующих и цифровых

субъектов. Существенно новые виды антиконкурентных действий позволяют участникам цифровых платформ вмешиваться в законы конкуренции цифрового рынка.

Ключевые слова: цифровой рынок, цифровые правоотношения, цифровые платформы, экосистемы, гейкиперы, конкуренция, антиконкурентные действия, геоблокинг.

DIGITAL TRANSFORMATION OF ANTI-COMPETITIVE ACTIONS

Ludmila N. Tomilova*¹, Anna V. Kornienko²

¹FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

²State Housing Inspectorate of Krasnodar Krai
(Red str., 178, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Tomilova L.N., Kornienko A.V. Digital transformation of anti-competitive actions. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):53–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

CONTACT INFORMATION:

Ludmila N. Tomilova*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: vicktoria1105@bk.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.07.2023

The article has been accepted for publication: 15.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The fundamental purpose of this study is to study and identify new types of anti-competitive actions on digital platforms, to identify an extremely new subject composition of economic entities of digital platforms.

In order to achieve this goal, it seems necessary to consider domestic and foreign legislation on the protection of competition, the provisions of the doctrine, to analyze judicial practice on the identification of anti-competitive actions on digital platforms in the Russian Federation and a number of foreign countries: Germany, China, Japan, to define the concept, the meaning of the subjects of the digital platform, the composition and types of their actions, methods the impact of the subjects of the digital platform on competition.

To solve the tasks set in the article, a number of research methods are used: logical (description, proof, classification), system-structural analysis, comparative, statistical, which helps to separate the necessary from the random and identify the regularity of processes, sociological method – based on the opinions and assessments of experts, formal-legal.

As a result of the study, it was revealed that in the Russian Federation, the legislation on the protection of competition in relation to digital activities began to move forward, which marked the adoption of the Fifth antimonopoly Package of the FAS of Russia. This regulatory act fixed the prohibition of the "network effect" of aggregators of digital platforms, the criterion of the dominant position of an economic entity in the digital space, as well as a new condition for the transaction of economic concentration.

Conclusion. These measures of the antimonopoly authority indicate the flexibility of the legislation of the Russian Federation for the long-established process of digitalization of competitive legal relations. Innovations make it possible to regulate the most complex sphere of relations – the digital market, which is marked by two-level competitive legal relations: the first level of relations that develops between economic entities, digital entities, the second - between the compositions of economic and digital entities. Significantly new types of anti-competitive actions allow participants of digital platforms to interfere with the laws of competition of the digital market.

Keywords: digital market, digital legal relations, digital platforms, ecosystems, gatekeepers, competition, anticompetitive actions, geoblocking.

Введение

В условиях современной цифровизации многие отрасли права видоизменяются под сложившуюся нормативную базу¹, направленную на регулирование цифровых платформ, объектов и прав участников цифрового пространства. Сформированное информационное пространство с учетом потребностей граждан и общества позволяет участникам цифрового рынка применять новые ускоренные методы продаж товаров / работ / услуг, что несомненно требует отдельного нормативного регулирования. Положительная динамика внедрения цифровизации в сферы жизнедеятельности человека поспособствовала повышению уровню информирования населения, появлению новых образовательных порталов, развитию конкуренции, расширению состава, повышению качества или доступности товаров / работ / услуг, созданию благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций.

Цифровая экономика ознаменовала появление трех уровней: первый – рынки и отрасли экономики, второй – платформы и технологии, третий – среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики².

По мнению экспертов комитета по конкуренции профессоров Майкла Бэй, Эрика Бруссо, старшего экономиста Фабьена Курто Милле: «Конкурентное право в целом является достаточно гибким, чтобы его можно было применять к цифровым рынкам»³. С указанной точкой зрения невозможно не согласиться. На сегодняшний день сфера защиты конкуренции претерпевает сильнейшие видоизменения начиная с появления новых видов правоотношений и заканчивая нормативной базой по их урегулированию.

Методы исследования

Исследование базировалось на применении специально-юридических методов таких как сравнительно-правой – применительно в части противопоставления правовых норм, регулирующих защиту конкуренции в Российской Федерации и ряде зарубежных странах: Германии, Китае, а также применен формально-юридический метод, логический метод и статистический метод исследования.

Результаты исследования

Анализ правоотношений цифрового рынка позволяет оценить конкуренцию цифровых хозяйствующих субъектов на цифровом пространстве. Соотношение развития конкуренции и разнообразия видов антиконкурентных действий хозяйствующих субъектов позволяет сделать следующие выводы:

1. Незаменимым решением видится введение ФАС России разъяснений, направленных на детализацию терминологии субъектов цифровых платформ, в частности терминов «экосистема», «гейткипер», «агрегатор».

2. Важнейшими критериями для определения антиконкурентных действий являются количественные (доминирующее положение) и качественные признаки (способность влиять на обращение товара на цифровом рынке), отраженные в редакции Пятого антимонопольного пакета ФАС России.

3. Разработка необходимого программного обеспечения, направленного на проверку действий участников рынков по введению геоблокировки и установлению заниженных (завышенных) цен на товары / работы / услуги позволит выявить факт сотрудничества цифровых платформ между собой, в

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901;

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (Документ утратил силу).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/competition/the-digital-economy-2012.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

том числе заключенные между платформами соглашения (договоры) о паритете цен и иных действиях.

4. Цифровые правоотношения категориально новая форма гражданских правоотношений, под которыми понимается круг общественных отношений, реализуемых в сфере цифровой информационной системы и направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей участников цифрового рынка.

Научная дискуссия

Интернет-магазины, электронная торговля, оборот онлайн-заказов повлекли за собой введение нового направления развития товарных рынков – цифрового товарного рынка. Его особенностями, по мнению начальника управления регулирования связи и информационных технологий ФАС России Заевой Е.А., являются:

1. Товар на цифровом товарном рынке имеет нематериальный облик, имеет практически нулевую стоимость воспроизводства и копирования, а также транспортировки в любую точку мира;
2. Товар на цифровом товарном рынке является объектом интеллектуальной собственности;
3. Многосторонность цифровых рынков выражается во взаимодействии несколько групп продавцов и покупателей;
4. Цифровой товарный рынок образуется в случаях возмездности товара и при его бесплатном обороте.

Заева Е.А. придерживается позиции о том, что «появление цифровых рынков не изменило принципы антимонопольного регулирования, ведь новых нарушений никто из цифровых гигантов не придумал. Это либо ограничение свободы реализации товара, либо установление несправедливой цены или несправедливых условий продажи товаров, неправомерный отказ от заключения договора»¹.

В то же время в цивилистической доктрине Петров Д.А. напротив рассуждает «о необходимости обособления в законодательном массиве такого понятия, как цифровые товарные рынки, где слово «цифровые» выступает характеристикой преобладающего типа хозяйствования, а не самостоятельным объектом» [8].

Интересна позиция законодателя Японии по данному вопросу. Цифровой рынок и цифровые платформы в Японии регулируются нормативными актами, связанными с электронной торговлей, а именно «Руководством по толкованию электронной торговли и торговли информационной собственностью» Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. Данный нормативно-правовой акт применяется к различным юридическим вопросам, касающимся электронной торговли и торговли информационной собственностью [6].

Развитие цифровых технологий и цифрового рынка повлекли формирование нового круга общественных отношений, регулирование которого затруднительно. На сегодняшний день сфера защиты конкуренции претерпевает сильнейшие видоизменения начиная с появления новых видов правоотношений и заканчивая нормативной базой по их урегулированию. Отношения, сформировавшиеся на цифровом рынке, стали именоваться цифровыми правоотношениями. Легального определения законодатель Российской Федерации не выделяет. В связи с чем видится следующая трактовка термина: под цифровыми правоотношениями следует понимать круг общественных отношений, реализуемых в сфере цифровой информационной системы и направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей участников цифрового рынка.

По мнению Городова О.А. «цифровые правоотношения будут характеризоваться теми же элементами, что и любое другое гражданско-правовое правоотношение» [3]. Основными элементами цифровых правоотношений выступает субъект и объект правоотношения. Реализация цифровых прав происходит определенным цифровым субъектным составом. В него входят: цифровые платформы, посредники (агрегаторы), экосистемы, «суперплатформы» и гейкиперы. Городов О.А. считает, что «субъективные права и обязанности цифровых правоотношений определяются особенностями информационных технологий для целей замещения гражданского оборота материальных или нематериальных благ (активов)» [3]. Вместе с тем, Попондопуло В.Ф. считает, что «робот не может быть субъектом права, так как он выступает объектом права, который может отличаться существенными особенностями, подлежащими учету при его эксплуатации. Соответственно

¹ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [протитировано 03 июня 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2055 //>.

субъектом права может являться человек как владелец робототехники, ведь он может нести риск последствий эксплуатации робота как источника повышенной опасности [10].

Согласно Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов, разработанным Центральным Банком Российской Федерации, под цифровой платформой понимается информационная система, работающая через сеть Интернет, которая обеспечивает взаимодействие участников платформы друг с другом, позволяя им создавать и обмениваться ценностями¹.

Платформы на цифровых рынках, по мнению Губина Е.П., Стырина Е.А. представляют собой некие «платформы возможностей», иными словами, это все интернет-компании, которые обеспечивают взаимодействие между поставщиками и потребителями с целью минимизации издержек при поиске партнеров, товаров / работ / услуг, организации платежей, заключению контрактов и их исполнению [4; 13].

По мнению Жмулиной Д.А., «цифровые платформы – это фактически новый тип бизнеса, который приходит на смену транснациональным корпорациям, что подтверждается темпами капитализации крупнейших компаний мира» [6].

Одним из цифровых посредников на цифровых платформах являются владельцы агрегаторов.

По мнению Рожковой М.А., «владелец агрегатора – это правообладатель соответствующей технологической платформы» [12, с. 31].

Бычков А.И. считает, что «оператор платформ он же агрегатор не является продавцом или покупателем товара, не осуществляет функции агента для каждой стороны сделки.... для квалификации владельца электронной платформы в данном качестве необходимо наличие одновременно трех обязательных критериев: предоставление доступа к информации о товарах и услугах, возможность заключения договора купли-продажи / возмездного оказания услуг и внесение предоплаты» [2]. В данном контексте под термин «посредника-агрегатора» подпадает администратор цифровой платформы, который оказывает соответствующие онлайн-услуги.

Как указывает Иванов А.А.: «деятельность агрегаторов является посредничеством, предполагающим помощь в установлении связи сторон основного договора через Интернет посредством использования специального мобильного приложения, не требующего для установления договорных отношений дополнительных правовых конструкций. При этом с точки зрения права сетевые договорные отношения с участием агрегаторов могут быть построены по моделям представительства, комиссии, передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг, смешанной модели или модели *sui generis*» [7].

Подузова Е.Б указывает, что с помощью цифрового агрегатора устанавливается связь между участниками цифрового пространства и обговариваются определенные условия договора [9]. Особенностью данного субъекта является то, что владелец агрегатора исключает возможность привлечения себя к какой-либо ответственности, о чем свидетельствуют многочисленные пользовательские соглашения: «пользовательские условия агрегатора «Сбермаркет» предусматривают, что агрегатор отвечает только за рекламные действия, маркетинговые действия и иные мероприятия, при это все иные действия, связанные с размещением, обновлением, информации о товарах возложены на Рестораны. Кроме того, агрегатор «Сбермаркет» предусмотрел возможность без уведомления Ресторана и без возмещения последнему убытков ограничить и / или изменить функционал его личного кабинета, а также прекратить доступ Ресторана к личному кабинету»². Пользовательское соглашение агрегатора «Вайлдберриз» содержит одну обязанность по «обработке и обеспечению безопасности персональных данных», а в отношении покупателя круг обязанностей по заказу, получению, оплате, использовании товаров³.

Законодатель Китайской Народной Республики закрепил схожее понятие с термином «агрегатор». В силу статьи 9 Закона Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции» оператор платформы является организацией, предоставляющая в области электронной торговли двум или нескольким сторонам возможность торговать услугами, вести деятельность интернет-

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (разработаны Банком России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbermarket.ru/terms-rte> // (дата обращения: 03.07.2023).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.wildberries.ru/services/terms> // (дата обращения: 03.07.2023).

магазинов, осуществлять поиск продавцов и покупателей, раскрывать информацию, чтобы они могли самостоятельно вести торговую деятельность [1].

Министерством экономики и развития Российской Федерации в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» (далее – Концепция), выделяется совокупность цифровых платформ образующих цифровую экосистему. С точки зрения данной Концепции цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ, в том числе могут включать в себя несколько цифровых платформ, представляя собой клиентоцентричную бизнес-модель¹.

Зарубежная доктрина позволяет выделить еще некоторые разновидности цифровых платформ. Так, европейское законодательство выделяет «суперплатформы» и гейкиперы. В европейском проекте регламента «О цифровых рынках» (Digital Markets Act; далее – «DMA») понятие гейткипера фактически означает квалифицированную платформу, действующую в одной из сфер (к примеру, электронной коммерции, поисковой системы, социальной сети, рекламных сервисов) и при этом платформу достаточно крупную, чтобы оказывать влияние на рынок. Законодательство Германии выделяет «суперплатформу», под которой понимается предприятие, с выходящим за пределы одного рынка влиянием с установлением качественных критериев.

Качественный критерий отличается от классического антимонопольного регулирования и выражается в том, что «вместо анализа причинения вреда конкуренции устанавливаются общие обязательства для суперплатформ, что размывает границы между антимонопольным правом и режимом *suí generis* (особого рода). Однако, немецкий § 19a GWB в отличие от проекта DMA допускает возложение ответственности на суперплатформу лишь после того, как уполномоченный орган запретил конкретное действие (то есть не действует общий *ex ante* запрет), и при этом суперплатформа может привести аргументы в пользу оправданности своих действий. При рассмотрении обоснованности действий суперплатформы может учитываться и вред конкуренции (хотя и не всегда)².

В то время как в Российской Федерации Заева Е.А. выделяет «базовый качественный критерий – способность влиять на обращение товара на рынке и видит необходимость в дополнении классического принципа о доминирующем положении (когда доля превышает 50 % или, когда речь идет о коллективном доминировании) следующим качественным критерием: «если обращение товара количественно невозможно посчитать, антимонопольный орган должен оценить фактические обстоятельства потребления на рынке, последствия действий хозяйствующего субъекта, которые подразумеваются как злоупотребление доминирующим положением»³.

Немаловажным также видится отражение в пятом антимонопольном пакете ФАС России, который вступит в законную силу 01.09.2023, запретов для агрегаторов онлайн-торговли, использующих «сетевой эффект». ФАС России выделил критерием доминирующего положения хозяйствующего субъекта рынка – выручку, которая за последний календарный год должна превышать 2 млрд рублей, а также превышать 35 % доли сделок на определенном товарном рынке. Кроме этого, пятым антимонопольным пакетом ФАС России также устанавливается новое условие для антимонопольного контроля за сделками экономической концентрации на товарных рынках. Теперь с ФАС России будут согласовываться сделки, цена которых превышает 7 млрд рублей. Антимонопольное ведомство при рассмотрении ходатайств о даче согласия на совершение сделки теперь будет вправе назначить экспертизу и привлечь экспертов для ее проведения⁴.

В понимании Центрального Банка России (далее – ЦБ) «экосистема (цифровая экосистема) – совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках

¹ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

² Резюме исследования об актуальных проблемах регулирования экосистем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/cb1/ghds1y1mejvy2zseo2dow249v9932uc.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

³ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 07 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2055/>.

⁴ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 07 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/publications/24074/>.

единого бесшовного интегрированного процесса». ЦБ привел следующие «примеры критериев размера экосистем:

- ограничение для соцсетей с количеством пользователей в сутки более 500 тыс. человек;
- платформа оказывает услуги 10 % населения (примерно 45 млн человек);
- платформа занимает более 35 % на рынке платформенных услуг, выручка от деятельности платформы за календарный год превышает 400 млн рублей¹.

Одной из экосистем выступает Публичное акционерное общество «Мобильные ТелеСистемы» (далее – ПАО «МТС»), являющееся компанией в России и странах СНГ по предоставлению услуг мобильной и фиксированной связи, провайдер цифровых сервисов, поставщик ИТ-решений в области коммуникационных платформ и др. Согласно стратегии ПАО «МТС» развитие компании будет ориентировано на создание на базе основного телекоммуникационного бизнеса продуктовой экосистемы с бесшовным переходом между сервисами. Ядром экосистемы будут сквозная идентификация клиентов, использование больших данных и общих каналов продаж, управление лояльностью и коммуникациями с клиентами².

Объектом цифровых правоотношений выступают новые электронные формы взаимодействия хозяйствующих субъектов цифрового пространства, выраженные во взаимодействии юридических и физических лиц между собой на цифровых рынках.

Так, необходимо выделить следующие формы (виды) правоотношений: цифровые правоотношения, связанные с коммерческим посредничеством цифровых платформ и экосистем, отношения, связанные с установлением условия о паритете цен, доминирующее положение на многосторонних рынках и геоблокинг, монополия. Данные виды цифровых правоотношений носят антиконкурентный характер. Согласно Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области защиты конкуренции, утвержденным Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2051-р, под антиконкурентными действиями понимается действия (бездействие), которые запрещены в соответствии с антимонопольным законодательством каждого из государств³.

Для более детального определения антиконкурентного характера цифровых правоотношений рассмотрим каждый из указанных ранее видов.

Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее – России) на первое место по действиям, ограничивающим конкуренцию на цифровых рынках, ставит – геоблокинг. По мнению ФАС России, геоблокинг подразумевает запрет на доступ и /или распространение лицензионного контента / товара за пределы территории, указанной в лицензионном соглашении. В случае антиконкурентного геоблокинга нарушение конкуренции происходит из-за чрезмерной защиты исключительных прав⁴.

По мнению Постниковой Е.В., необоснованная гео-блокировка означает дискриминационную практику, препятствующую потребителям получать доступ и приобретать товары или услуги через веб-сайты. Она может выражаться как в блокировании доступа потенциального покупателя к вебсайту, отказе в регистрации, так и в трудностях с регистрацией или автоматическом перенаправлении на веб-сайты, ориентированные на другие государства [11].

В современных условиях глобализации и цифровизации зарубежом сформировалась практика по разнородностям геоблокинга. Одной из них является геоблокинг по аудио- и видео-контенту.

Примером является случай двух конкурирующих субъектов-гигантов на цифровом рынке «Guess» и «Nike», которые выстроили модель бизнеса, позволяющую установить довольно жесткие ограничения для контрагентов. «Nike» передавала свои лицензионные права на атрибутику по двум типам: неэксклюзивные прямые и непрямые лицензионные соглашения. Это позволяло размещать товары на веб-сайтах, которые доступны за пределами указанной в соглашении территории, однако только при условии, что покупатели за пределами этой территории не смогли бы приобрести товар. В

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/759201/> (дата обращения: 15.06.2023).

² [сайт]. Банк России; 2023 [протитировано 15 июня 2023]. Доступно: www.cbr.ru/.

³ О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области защиты конкуренции: Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2018 № 2051-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2022 [протитировано 29 октября 2022]. Доступно: <https://fas.gov.ru/> ЕАЭС.

свою очередь «Guess» ставила акцент на построении мощного канала онлайн-дистрибуции – все ритейлеры должны удовлетворять определенным критериям, а в дистрибьюторских соглашениях содержатся четкие правила для рекламы и продвижения товара¹.

Еще одним видом антиконкурентных действий является паритет цен (соглашение о цене), которое заключается в навязывании невыгодных условий договора. К примеру, Booking.com навязывал условия договоров, в соответствии с которыми они были обязаны предоставлять компании и соблюдать со своей стороны паритет цен, наличия номеров и условий во всех каналах продаж и распространения своих услуг (под такими каналами понимаются мета-поисковики, туристические агентства, другие агрегаторы информации, а также сайты самих отелей и других средств размещения)².

Отдельным видом стоит рассмотреть злоупотребление цифровым субъектом доминирующим положением на многосторонних рынках сквозь призму условий, средств и правовых последствий определения доминирующего положения. Данные антиконкурентные действия представляют собой случаи, когда одна компания занимает доминирующее положение на рынке и локализовано распространяет свою продукцию на территории, к примеру, одной страны. ФАС России возбудила по заявлению АО «Лаборатория Касперского» антимонопольное дела в отношении Apple. ФАС России установлен факт злоупотребления компаний Apple доминирующим положением на рынке распространения мобильных приложений на операционной системе iOS, проводив последовательную политику по ограничению инструментов и возможностей для разработки приложений родительского контроля, в результате чего большая часть функционала приложений сторонних разработчиков была утрачена³. ФАС России пришла к выводу, что такие навязывания предоставляют конкурентное преимущество одной компании и наносят ущерб другим компаниям, добросовестно конкурирующим.

Цифровые правоотношения, связанные с коммерческим посредничеством цифровых платформ и экосистем, представляют собой отдельный вид антиконкурентных действий на цифровых рынках. Данный вид правоотношений может возникать на основании как договора возмездного оказания услуг, так и агентского договора.

Дерюгина Т.В., являясь сторонником первого подхода, считает, что «договор возмездного оказания услуг с коммерческим посредничеством определил роль агрегатора как лица, обязанного оказывать информационные услуги в виде размещения информации о заказчике на своей информационной площадке. В то же время роль заказчика заключается в оплате этих услуг (статья 779 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [5].

В случае агентского договора агрегатор выступает в роли посредника. К примеру, директор АНО Центр инноваций социальной сферы «Атлас некоммерческих организаций» и директор по региональной политике АНО «Цифровая экономика» создали макет цифровой платформы-агрегатора, которая позволила бы обеспечить интерактивный, открытый и бесплатный пользовательский доступ к данным о деятельности некоммерческих организаций⁴.

Современный рынок видеоизменяется ежедневно, в связи с чем видится интересной точка зрения Цыганова А.Г. о том, что антимонопольные органы могут столкнуться с рядом сложностей при рассмотрении монопосоний и доказыванием факта нарушения. Под монопосонией понимается монопольное положение покупателя товара при большом количестве конкурирующих между собой производителей⁵. В целом, в отсутствие регулирования данный вид взаимодействия участников рынка может перекалфицироваться в антиконкурентные действия.

Указанные антиконкурентные действия приводят к монополизации цифровых рынков, отрицательному воздействию на потребителей товаров/работ/услуг, что проявляется в нарушении законодательства о защите прав потребителей, также являются угрозой для отношений, связанных с

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40428/40428_1205_3.pdf // (дата обращения: 01.05.2022).

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8c9/Obzor-po-TSifre-na-sayt.pdf> // (дата обращения: 15.10.2022).

³ Доклад о состоянии конкуренции Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации за 2020 год [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2022 [процитировано 29 октября 2022]. Доступно: <https://fas.gov.ru/documents/687864?ysclid=lm3vj7837j777734874>.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdo2day.ru/cases/340/> // (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 12 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/news/32672/>.

тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, способствуют развитию неравенственных правоотношений на цифровых рынках.

На основании изложенного видится необходимость в расширении законодательной базы в области регулирования цифрового пространства и цифровых прав участников платформ. Незаменимым решением является введение ФАС России разъяснений, направленных на детализацию терминологии участников цифровых платформ, в том числе с количественными и качественными характеристиками для дальнейшего разделения их на платформы, экосистемы и гейткиперы. При этом количественный критерий будет отвечать за общее количество участников (среди которых продавцы и потребители), максимальное количество которых могут использовать ту или иную платформу для предотвращения злоупотребления со стороны экосистем или же «суперплатформ». Также необходимо программное обеспечение, направленное на проверку действий участников рынков по введению геоблокировки и установлению заниженных (завышенных) цен на товары / работы / услуги. Указанный программный алгоритм позволит выявить факт сотрудничества цифровых платформ между собой, том числе заключенные между платформами соглашения (договоры) о паритете цен и иных действиях.

Список использованной литературы:

1. Алексеев А.П. Регулирование деятельности электронных платформ по Закону КНР «Об электронной коммерции». *Юрист*. 2020;(7):62–68. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-62-68.
2. Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления: монография. М.: Инфотропик Медиа; 2019.
3. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание. *Право и цифровая экономика*. 2019;(3(05)):5–10. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.05.3.005-010.
4. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования. *Право и экономика*. 2020;(8(390)):5–13.
5. Дерюгина Т.В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора. *Гражданское право*. 2018;(6):3–6. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6.
6. Жмулина Д.А. Правовое регулирование электронной торговли в Японии. *Конкурентное право*. 2022;(3):16–19. DOI: 10.18572/2225-8302-2022-3-16-19.
7. Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право. *Закон*. 2017;(5):145–156.
8. Петров Д.А. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровизации экономики. *Право и цифровая экономика*. 2022;(1(15)):5–13. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.005-013.
9. Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16(2(123)):55–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.055-060.
10. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений. *Юрист*. 2019;(6):29–36. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-6-29-36.
11. Постникова Е.В. Правовое регулирование запрета гео-блокировки в целях создания единого цифрового

References:

1. Alekseenko A.P. [Regulation of the activities of electronic platforms under the Law of the People's Republic of China "On Electronic Commerce"]. *Yurist = Lawyer*. 2020;(7):62–68. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-62-68. (In Russ.)]
2. Bychkov A.I. [Legal regulation of the economy of joint consumption]. Moscow: Infotropik Media; 2019. (In Russ.)]
3. Gorodov O.A. [Digital legal relationship: species and content]. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and the digital economy*. 2019;(3(05)):5–10. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.05.3.005-010. (In Russ.)]
4. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. [Digital platforms in Europe, China and Russia: main approaches and trends in legal regulation]. *Pravo i ehkonomika = Law and economics*. 2020;(8(390)):5–13. (In Russ.)]
5. Deryugina T.V. [The legal nature of the contract mediating the emergence of legal relations with the participation of the aggregator]. *Grazhdanskoe parvo = Civil law*. 2018;(6):3–6. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6. (In Russ.)]
6. Zhmulina D.A. [Legal regulation of electronic commerce in Japan]. *Konkurentnoe parvo = Competition law*. 2022;(3):16–19. DOI: 10.18572/2225-8302-2022-3-16-19. (In Russ.)]
7. Ivanov A.A. [Business aggregators and law]. *Zakon = Law*. 2017;(5):145–156. (In Russ.)]
8. Petrov D.A. [Competition and competition policy in the context of digitalization of the economy]. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and Digital Economy*. 2022;(1(15)):5–13. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.005-013. (In Russ.)]
9. Poduzova E.B. [Subjects of digital legal relations: trends in law and business]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;16(2(123)):55–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.055-060. (In Russ.)]
10. Popondopulo V.F. [Legal forms of digital relations]. *Yurist = Lawyer*. 2019;(6):29–36. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-6-29-36. (In Russ.)]
11. Postnikova E.V. [Legal regulation of the geo-blocking ban in order to create a single digital market of

рынка Европейского союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020;(3):207–234.

12. Рожкова М.А. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров. *Хозяйство и право*. 2018;(9):14–28.

13. Стырин Е.М. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие (монография) / Е.М. Стырин, Н.Е. Дмитриева. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики; 2021.

the European Union]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* = *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(3):207–234. (In Russ.)]

12. Rozhkova M.A. [On the responsibility of aggregators and their online dispute resolution platforms]. *Khozyaistvo i parvo* = *Economy and law*. 2018;(9):14–28. (In Russ.)]

13. Styrin E.M. [State digital platforms: formation and development] / E.M. Styrin, N.E. Dmitrieva. M.: Publishing House of Higher School of Economics; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Томилова Людмила Николаевна*

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1949-8753>

Корниенко Анна Вячеславовна

консультант отдела правового обеспечения государственной жилищной инспекции Краснодарского края
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9861-055X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ludmila N. Tomilova*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1949-8753>

Anna V. Kornienko

Consultant of the legal support department of the State Housing Inspectorate of Krasnodar Krai

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9861-055X>